

Е Тао, только что вернувшийся с того света, естественно, был напуган. Он не был уверен, что Чжоу Цзыцянь снова не взбесится, поэтому с трудом высвободился из его объятий и отступил за чайный стол. Когда Чжоу Цзыцянь шагнул вперед, Е Тао хрипло крикнул:

— Не подходи!

Чжоу Цзыцянь остановился. Почти безумный всплеск был подобен урагану: после него вернулся рассудок, и алкоголь выветрился. Он издали успокаивал перепуганного Е Тао, говорил, чтобы не боялся, не волновался, что он больше ничего не сделает.

Они простояли так довольно долго, пока Е Тао не убедился, что буйство прошло. Он облегченно сел на стул, обессиленный. Он знал, что этот человек не так мягок, как кажется, и в душе он не добряк. Но он не думал, что его гнев будет настолько ужасен. Чуть чуть — и он бы задушил его насмерть.

— Юньси... — словно боясь спугнуть, Чжоу Цзыцянь говорил тихо. — Не ранен?

Е Тао под его взглядом, в котором осталась только забота, потрогал шею. Он не знал, что остались следы, но боль чувствовалась, связки тоже пострадали. Хрипло он сказал:

— Уходи. Поговорим завтра.

Чжоу Цзыцянь постоял, желая что-то сказать, но в итоге промолчал и, озабоченный, ушел.

Баобао вцепился в штанину Е Тао, забрался на колени и мягкой подушечкой лапы коснулся шеи, потом лизнул несколько раз, словно пытаясь вылизать боль.

Глядя на телефон, упавший во время ссоры, Е Тао задумался. Он гладил Баобао, долго молча.

Чжоу Цзыцянь не спал всю ночь, мысли в хаосе. Когда позвонил Ци Хэ, он уже был зол. Он знал, что должен успокоиться, не возвращаться, но вернулся. Найдя в комнате старый телефон, он знал, что должен уйти, а не сталкиваться с ним в ярости, но не сделал как надо. Он был так зол, что в груди будто горел огонь, разрывающий внутренности.

Чжоу Цзыцянь давно так не терял контроль, и это заставило его думать, что темные жестокие стороны сглаживаются временем. Он думал, что гнев больше не сожжет рассудок, даже если предадут близкие. Но он ошибался. Он не выходил из себя, просто потому что ничего не было так ему дорого.

Чжоу Цзыцянь просидел в зале всю ночь. Пепельница была полна, галстук, сорванный, лежал рядом, в пепле, на рубашке — два прожженных пятна.

За окном рассвело, погода очистилась. Снег прекратился, ветер стих, двор был мокрый.

Чжоу Цзыцянь оторвал пустой взгляд, потер лицо, которое выглядело уставшим. Царапина на подбородке от Баобао уже подсохла, касаясь её, он чувствовал легкую боль. Он замер, потом отпустил руку и встал, направляясь к комнате Е Тао.

Баобао, спавший рядом с Е Тао, настороженно открыл глаза и уставился на вошедшего мужчину.

Чжоу Цзыцянь тихо сел на край кровати, аккуратно приподнял край одеяла. Увидев синяки на шее Е Тао, он сузил зрачки. Он знал, что ранил его, но не думал, что так сильно.

Если бы Баобао не царапнул его, мог ли он случайно задушить этого беспомощного ребенка?

От этой мысли Чжоу Цзыцянь содрогнулся. Он не хотел его травмировать, он лишь хотел, чтобы тот слушался, спокойно жил под его крылом, считал его единственной опорой, доверял и зависел, ни за что не перечил ему ради других.

Но он изменился, и Е Тао тоже. Это изменение случилось не за одну ночь, оно просачивалось как тонкий ручей в их жизнь. Он не был слеп, но не мог понять причину, списывая на взросление. Когда влияние стало слишком сильным, он наконец осознал проблему.

С другой стороны, он должен быть благодарен Ло Дуну. Если бы не Ло Дун, он бы все еще плутал в тумане, ведь причина его смятения была слишком шокирующей.

Как он мог подумать, что к ребенку, которого он сам воспитал, он испытывает такие чувства?

Это абсурд! Даже когда факты были перед глазами, в это трудно поверить.

Но факт в том, что он все больше заботился о нем, радовался и злился из-за него, терял контроль. И все это объяснялось лишь желанием обладать им единолично.

Чжоу Цзыцянь тихо вздохнул, поправил одеяло и посмотрел на Е Тао с теплотой и безысходностью. Он не мог терпеть его связь с Ло Дуном, не мог принять, что тот переступил черту, которую он провел, но не знал, что делать.

Баобао недоуменно смотрел на дядю, потом на Е Тянь, который уснул под утро, и проверительно толкнул руку Чжоу Цзыцяня: «Уходи, поговорим позже, он только уснул».

Чжоу Цзыцянь, погруженный в мысли, очнулся и даже ласково погладил Баобао.

Баобао понял: это была благодарность за вчерашний «подвиг». Если бы не он вонзил когти вовремя, дядя бы задушил его дядю Е Тао.

Эту благодарность Баобао заслужил, но искренне не хотел повторения. Если позволить себе грубость, вчерашнее состояние дяди было как у истеричного безумца, полностью разрушившее образ. Но главное — это было опасно! Его дядя Е Тао такой слабый, как выдержит такое?

Е Тао спал плохо и проснулся позже обычного. Когда он встал, Чжоу Цзыцянь уже уехал в компанию.

Баобао, сидя у кровати, мяукал, явно желая что-то сказать, но компьютер был сломан, а телефон, которым пользовались, конфисковали — общение стало трудным.

Е Тао не понял, что хочет Баобао. Зато Ци Хэ, стоявший за дверью, услышал шум и спросил:

— Молодой господин, вы проснулись?

Баобао, услышав голос, изменил тон: звонкое мяуканье стало низким и протяжным, круглые глаза полуприкрылись, холодно косясь на дверь. Его дядя Е Тао всегда осторожен, вряд ли позволил бы дяде найти спрятанный телефон. А Ци Хэ — глаза и уши дяди, Баобао понимал, что вчерашняя сцена на восемь-девять десятых связана с ним.

Е Тао погладил Баобао по спине, показывая не шалить, и ответил:

— Проснулся.

— Доктор Сюй приехал. — Ци Хэ спросил. — Можно пригласить?

Доктор Сюй — западный врач, регулярно посещавший семью Чжоу. Он выделялся среди многих, так как Чжоу Цзыцянь к нему благоволил.

— Я переоденусь и выйду. — Е Тао в пижаме встал с кровати и выбрал рубашку с высоким воротом.

Вскоре доктор Сюй вошел в комнату Е Тао, осматривая шею. Хотя рана не была серьезной, расположение было опасным, синяки явные — первый взгляд был страшен. Даже Ци Хэ, стоявший рядом, немного расширил глаза.

У автора есть что сказать:

Сцена немного знакома, а? Я бы не хотел так писать, но обстоятельства сложились именно так, пришлось развиваться так. PS: Я давно говорил, что дядюшка — не подарок. Когда Цзюньхао заподозрил, что у его сына с кем-то интрижка, он всего лишь дал Лу Си пощечину, а этот чуть не отправил дядю Е Тао на тот свет. Ему действительно стоит благодарить судьбу, что защитником Е Тао был Баобао, если бы это был Хуацзюань, он бы его точно загрыз. Но все же спасибо Баобао, иначе сегодня можно было бы ставить точку.

<http://bllate.org/book/17687/1650241>